

работы описаны чрезвычайно подробно отчетливо. Можно без преувеличенія сказать, что книга Pribilla является прекраснымъ введеніемъ въ огромную литературу, посвященную указаннымъ двумъ конференціямъ.

Но въ книгѣ выступаетъ съ полной силой и вся непримиримость и неуступчивость католической церкви въ отношеніи къ экуменическому движенію. Хотя авторъ старается съ возможно большей силой развить основанія этой позиціи Рима, но его разсужденія не могутъ ослабить тяжелаго впечатлѣнія отъ того торжества формализма и юридизма, которымъ окрашена католическая точка зрѣнія. Христіанскій міръ тяжело боленъ въ наше время, и источникъ этой болѣзни — не только въ одной роздробленности христіанства, но и въ утратѣ (у католиковъ) скорби объ этой раздѣленности. Не то странно и больно, что они вѣрятъ въ абсолютность католической Церкви (ибо и мы вѣримъ въ абсолютность нашей православной Церкви), а то, что они не хотятъ даже общенія съ тѣми, кто не согласенъ съ ними и требуютъ прежде всего подчиненія себѣ, какъ предварительнаго условія самаго общенія! Эта твердокаменность, настоящее окамененное нечувствіе и потеря основного завѣта Христа находятъ свое возмѣщеніе въ усиленныхъ часто совершенно внѣшнихъ попыткахъ подчинить Риму тѣхъ, кто не съ ними... Мы, православные, глубоко скорбимъ о трагедіи христіанства, но именно потому, что мы реально чувствуемъ въ нашей Церкви полноту Христовой истины, мы не боимся посѣщать съѣзды, на которыхъ встрѣчаемся съ протестантами. Мы опредѣленно и отчетливо свидѣтельствуемъ объ истинѣ, открытой намъ въ Православіи, но охотно беремъ и все то доброе, что находимъ у другихъ. Думаемъ, что этотъ путь любви и уваженія есть единственный путь «экуменическаго движенія», могущій если не до конца преодолѣть, то хотя бы ослабить роковыя раздѣленія внутри христіанскаго міра.

Рекомендуемъ всѣмъ, кого интересуеетъ экуменическая проблема, прочитать цѣнную, хотя и одностороннюю книгу Pribilla.

В. В. Зъньковскій.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

1 Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostoiewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente, erläutert von W. Komarowitsch. — R. Piper und C-ie, München, 1929. S. XXXVI+619).

Новый томъ нѣмецкаго изданія рукописнаго наслѣдія Достоевскаго представляетъ особый интересъ. И лишній разъ приходится пожалѣть, что оригинальный текстъ остается недоступ-

нымъ, и мы принуждены пользоваться переводомъ тамъ, гдѣ такъ было бы важно слѣдить за каждымъ оборотомъ мысли, за каждымъ оттѣнкомъ и намекомъ. — По самому характеру своему, вновь изданные матеріалы не поддаются краткому обозрѣнію. Это — разрозненные замѣтки, выписки и наброски. Здѣсь требуется подробный, часто мелочный анализъ. Отчасти онъ продѣланъ В. Комаровичемъ въ его вступительной статьѣ и въ примѣчаніяхъ, — это половина всей книги. Комаровича интересуютъ прежде всего историко-литературные вопросы: о композиціи, о генезисѣ типовъ. Но тѣмъ самымъ и онъ вводитъ въ внутреннюю исторію творчества Достоевскаго. Въ основномъ съ Комаровичемъ нельзя не согласиться. И прежде всего, самая композиція послѣдняго романа Достоевскаго безспорно связана съ идеями Н. Ѳ. Федорова. Не случайно трагическимъ центромъ романа оказывается отцеубійство, — это прямая антитеза тому «общему дѣлу» братства и любви, которое по мысли Федорова должно завершиться всеобщимъ воссоединеніемъ и воскрешеніемъ предковъ. Въ первоначальныхъ наброскахъ Достоевскій дважды говоритъ о воскресеніи и воскрешеніи предковъ, какъ задачѣ. Въ окончательномъ текстѣ уже нѣтъ этой мысли, но воскресные тона и мотивы пронизываютъ весь романъ. Не-братство братьевъ, убійство и воскресеніе, — вотъ трагическія темы въ «Карамазовыхъ», навѣянные Федоровымъ. Давно уже было извѣстно, что идеи Федорова произвели на Достоевскаго яркое и мощное впечатлѣніе, — Комаровичъ сообщаетъ и новыя біографическія подробности. И при всемъ томъ, вліяніе Федорова было переходящимъ. Это былъ толчокъ, въ силу котораго окристаллизовались давнія думы Достоевскаго — о преображеніи страстнаго эроса въ воссоединяющую силу. И въ творческомъ синтезѣ Достоевскаго Федоровскіе мотивы своеобразно претворились. Въ этомъ синтезѣ всего сильнѣе было другое вліяніе, — давнишнее впечатлѣніе отъ образа Святителя Тихона Задонскаго. Комаровичъ подробно рассказываетъ о повторявшихся попыткахъ Достоевскаго зачертить его образъ, который, по его собственному признанію, «принялъ въ свое сердце» еще въ 1861-мъ году. Образъ старца Зосимы не есть портретъ святителя Тихона, — отъ портретнаго замысла Достоевскій отказался. Это идеальный образъ, художественный синтезъ, пророческая мечта, — но сложился онъ подъ преобладающимъ впечатлѣніемъ отъ Задонскаго старца. Отсюда тотъ радостный духъ, который Леонтьевъ принялъ за выдуманное «розовое христіанство» и отвергъ, какъ гуманизмъ. Въ одномъ Леонтьевъ былъ правъ: Зосиму Достоевскій не списывалъ со старца Амвросія... Когда онъ ѣхалъ въ 1878 г. въ Оптину, онъ уже носилъ въ своемъ сердцѣ и въ своемъ творческомъ воображеніи образъ кроткаго и святого старца; но то, что увидѣлъ онъ

тамъ, не разбило его мечты, и онъ вставилъ уже прежде слагавшійся образъ въ рамку Оптиной Пустыни... Комаровичъ убѣдительно показываетъ, какъ въ жизнеописаніи старца Зосимы претворились и повторились факты изъ житія св. Тихона, — а въ поученіяхъ Зосимы слышатся преображенскіе и воскресные мотивы наставленій Задонскаго чудотворца, и даже слова и обороты нерѣдко повторяются. Съ другой стороны, Комаровичъ показываетъ, что Достоевскому много дали «Сказанія» инока Парфенія, которыя онъ зналъ уже давно, — въ свое время ими страстно увлекался Ап. Григорьевъ. Можно согласиться, что языкъ Парфенія помогъ Достоевскому найти вѣрный стиль для поученій старца Зосимы, что его рассказы могли вдохновлять, будить воображеніе. Но самъ Парфеній слишкомъ далекъ отъ Зосимы, и свѣта въ его «Сказаніяхъ» немного... Комаровичъ не доводитъ своего анализа до конца. Во всякомъ случаѣ въ святителѣ Тихонѣ нельзя видѣть представителя древней Руси. Въ томъ и заключается его своеобразіе, что былъ онъ по своему духовному типу человѣкомъ новой, уже послѣ-Петровской эпохи, что онъ прошелъ «латинскую» школу и совсѣмъ не чуждался западной религіозной литературы (срв. Іоанна Арндта) Это былъ человѣкъ смутнаго XVIII-го вѣка. И типъ его благочестія, и характеръ его богомыслія очень далеки отъ средняго московскаго типа XVII-го вѣка. Неожиданно, у св. Тихона обновляются свѣтозарныя созерцанія, древне-византійскихъ мистиковъ, — видѣніе еаворскаго свѣта, паѳось Преображенія, и вся заливающая радость, такъ рѣзко отгнѣняемая его частою скорбью смущеніемъ. И въ извѣстномъ смыслѣ, онъ предвѣстникъ преп. Серафима... Здѣсь Достоевскому открывалась не древняя, но внутренняя Русь. — Въ комментаріи Комаровича очень интересна глава объ Алешѣ и Грушенькѣ, объ ихъ, какъ бы мистическомъ, бракѣ. Онъ возстановливаетъ творческую предисторію этого мотива у Достоевскаго (прежде всего чрезъ «Бѣсы») и прослѣживаетъ его дальше, до Гоголевской «Страшной мести»... Впрочемъ, можно спорить о значеніи этой сцены въ замыслѣ Достоевскаго. Это связано со смысломъ образа Алеши, и этотъ образъ все же остается неяснымъ. Комаровичъ не упоминаетъ о записи Суворина въ его Дневникѣ со словъ Достоевскаго, что Алеша впоследствии долженъ дойти до террора и до эшафота. Это требуетъ объясненія, — какъ прозиралъ Достоевскій въ будущее «братьевъ Карамазовыхъ»? — Комаровичъ не разбираетъ творческой исторіи «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ», выдѣляя эту главу своего комментарія въ особый очеркъ. Это чувствительный пробѣлъ въ его изслѣдованіи, такъ какъ «Легенда» есть одинъ изъ трагическихъ узловъ романа. Ея смыслъ еще не разгаданъ до конца, и можно спорить, что хотѣлъ въ ней

сказать Достоевскій. Сейчас можно твердо сказать, что въ ней скрестились и кристаллизовались его давнія думы. Въ частности уже въ «Хозяйкѣ» (1847) Муринъ говоритъ почти то-же, что Инквизиторъ: «Нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣетъ свободой людей только тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть... Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ безсильныхъ бунтовщиковъ для ихъ счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитетъ... Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія»... (Срв. статью А. Л. Бема: «Драматизація бреда» въ пражскомъ сборникѣ: О Достоевскомъ, I-1929). Можно думать, что композиція «Легенды» была подсказана на Достоевскому средневѣковыми пародіями на папство, *Initum Sancti Evangelii secundum marcus argenti. In illo tempore dixit Papa romano: Si Filius hominis venerit ad sedem Majestatis Nostrae, dicite: Amice, ad quid venisti? et si pulsans perseveraverit nihil dans vobis, ejicite cum in tenebras exteriores...* (изъ *Sazmina Vuzana*, см. статью И. И. Лапшина: «Какъ сложилась; Легенда о Великомъ Инквизиторѣ?» въ томъ же пражскомъ сборникѣ). Однако, вопросъ не въ томъ, какъ и откуда возникаютъ отдѣльные мотивы «Легенды», но что хотѣлъ Достоевскій высказать. Давно уже было признано, что онъ говорилъ не только о католичествѣ. Можно сказать рѣзче, — «Легенда» написана прежде всего не о католичествѣ. И Достоевскій въ ней говоритъ не о противорѣчій христіанской жизни, не о «двойной истинѣ», но а замыслѣ основать благополучіе на принужденіи, — и этотъ замыселъ шире и старше католицизма. Это — «римская идея», побѣждающая въ католичествѣ завѣты Христа. Но прежде всего Достоевскій встрѣтился съ нею въ социализмѣ, и былъ потрясенъ трагизмомъ принужденія, и трагизмомъ обоюдостороннимъ — для принуждающихъ, можетъ быть, даже большимъ, чѣмъ для принуждаемыхъ. И наблюденіе обобщалось: въ социализмѣ Достоевскій увидѣлъ обмірщенное католичество, — такъ онъ пришелъ къ католической проблемѣ. Съ католической идеей онъ борется чтобы преодолѣть социалистическій хиліазмъ, «третье искушеніе» — Аполлона, поднявшагося на Христа. И «Легенда» есть притча о «римской идеѣ». Комаровичъ въ своемъ комментарий показываетъ, что антитеза Востока и Запада, «Византіи и Рима», вплетается въ интимную композицію романа: Иванъ, Катя, Смердяковъ, — это манифестація западнаго духа. Въ романѣ есть внутренняя діалектическая полемика съ «женевскими идеями» (постоянная тема Достоевскаго) и съ жоржъ-зандизмомъ, — въ него включена нѣкая пародія на сантименталь-

ный романъ, прежде всего на Maurat, откуда многіе композиціонные мотивы повторены въ сценахъ убійства и суда. Такъ идеологическая полемика переходитъ въ литературную. И именно въ планъ этой внутренней борьбы Достоевскаго съ «женевскими идеями» и съ принципами 89-го года, то-есть съ секулярной идеею свободы, равенства и братства, и нужно объяснить «Легенду». Образомъ Инквизитора Достоевскій хотѣлъ сказать, что утвердить благополучіе на принужденіи можно только чрезъ усыпленіе совѣсти, и своей, и чужой. — Вновь изданные матеріалы не объясняютъ замысла «Братьевъ Карамазовыхъ» до конца. Одно важное наблюденіе можно сдѣлать: въ первоначальныхъ наброскахъ Достоевскій называетъ дѣйствующихъ лицъ будущаго романа именами своихъ прежнихъ героевъ, — такъ будущаго Алешу, обозначаетъ, какъ — «Идіота». Это показываетъ непрерывность его творческой мысли. Всегда живетъ онъ въ единомъ мірѣ творческихъ видѣній, своеобразныхъ символическихъ миѳовъ, — и по временамъ зарисовываетъ свои текучія созерцанія. И всегда размышляетъ объ одномъ: о личности и средѣ, свободѣ и принужденіи, о примиреніи и раздорѣ... Это его основная апорія. Достоевскій все время пишетъ какъ бы одну картину, всѣ его романы только эскизы къ ней. И «Братья Карамазовы» тоже эскизы, — полотно осталось недописаннымъ. Творческій путь Достоевскаго не былъ прямымъ, онъ вился. И всѣ завитки и зигзаги онъ творчески включалъ въ свой синтезъ, какъ его діалектическіе моменты и мотивы. Достоевскаго остро тревожилъ соблазнъ хиліазма, онъ не всегда умѣлъ его побѣдить... Не побѣдилъ и въ послѣднемъ романѣ. Но ярко освѣтилъ путь исхода. Таинственное видѣніе Алеши надъ гробомъ старца переходитъ за грань исторіи. «Кана Галилейская» — конецъ исторіи, серафическимъ свѣтомъ озаряющей историческую страду. Это не синтезъ, но тема синтеза: не хиліазмъ, но преображеніе и воскресеніе. — Твореніе Достоевскаго, это необработанная метафизическая руда; и ждетъ она, и требуетъ спекулятивной обработки. Можетъ быть, для этого уже наступаетъ время.

Георгій В. Флоровскій.

1929. XII. 23.